

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
SOCIAL PSYCHOLOGY

Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор психологического благополучия

Карпинский К.В.

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (УО ГрГУ им. Янки Купалы),
г. Гродно, Республика Беларусь;*

Мамун университет, г. Ургенч, Узбекистан

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@gmail.com

В статье представлен аналитический обзор современных зарубежных исследований, посвященных психологическим эффектам, механизмам и закономерностям влияния детей и родительства на психологическое благополучие взрослых. На основании обобщения результатов отдельных теоретико-эмпирических исследований, систематических и метааналитических обзоров рассматриваются история становления, современное состояние и перспективы развития данного научного направления. Сформулированы наиболее общие и устойчиво воспроизводящиеся закономерности воздействия детей и родительства на различные компоненты (когнитивные, аффективные, мотивационные), уровни (глобальный, доменный, субдоменный) и виды (гедонистическое, эвдемоническое, экзистенциальное) психологического благополучия взрослых. Выделены дополнительные и промежуточные переменные, выступающие в качестве медиаторов и модераторов зависимости психологического благополучия взрослых от детей и родительской роли. Показано, что ключевым интегративным фактором, опосредующим данную зависимость, служит личностный смысл ребенка для взрослого, который определяет силу, направленность и форму влияния детей и родительского статуса на психологическое благополучие. Исходя из результатов аналитической ревизии и критической оценки текущего состояния проблемы аргументировано, что перспективной линией ее разработки является построение психологической концепции личностного смысла ребенка для взрослого.

Ключевые слова: дети, взрослые, психологическое благополучие, родительский статус, личностный смысл ребенка.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в рамках научного проекта Г23УЗБ-053.

Для цитаты: Карпинский К.В. Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор психологического благополучия [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 4. С. 8—15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130401>

Personal Meaning of a Child for an Adult as a Factor of Psychological Well-Being

Konstantin V. Karpinskii

Yanka Kupala Grodno State University, Grodno, Belarus; Mamun University, Urgench, Uzbekistan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@gmail.com

The article presents an analytical review of modern foreign studies devoted to the psychological effects, mechanisms and patterns of influence of children and parenthood on the psychological well-being of adults. Based on the generalization of the results of individual theoretical and empirical studies, systematic and meta-analytical reviews, the history of formation, current state and prospects for the development of this scientific direction are considered.

The most general and stably reproducible patterns of the impact of children and parenthood on various components (cognitive, affective, motivational), levels (global, domain, subdomain) and types (hedonic, eudaimonic, existential) of psychological well-being of adults are formulated. Additional and intermediate variables acting as mediators and moderators of the dependence of psychological well-being of adults on children and the parental role are identified. It is shown that the key integrative factor mediating this dependence is the personal meaning of the child for an adult, which determines the strength, direction and form of the influence of children and parental status on psychological well-being. Based on the results of the analytical revision and critical assessment of the current state of the problem, it is argued that a promising line of its development is the construction of a psychological concept of the personal meaning of a child for an adult.

Keywords: children, adults, parental status, psychological well-being, personal meaning of a child.

Funding. The reported study was funded by Belorussian Republican Foundation for Fundamental Research (BRFFR), project number Г23УЗБ-053.

For citation: Karpinskii K.V. Personal Meaning of a Child for an Adult as a Factor of Psychological Well-Being [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 4, pp. 8—15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130401> (In Russ.).

Введение

Дети являются неизбежными «спутниками» взрослых, сопровождая их в разные периоды и в разных сферах жизни. В структуре жизнедеятельности взрослого ребенок может занимать различные позиции, играть различные роли, выполнять различные функции. Объективная логика совместного бытия (со-бытия) взрослых и детей такова, что поначалу ребенок выступает объектом специальных видов поведения и деятельности взрослого, направленных на его рождение и обеспечение условий для его полноценного всестороннего развития (репродуктивное и родительское поведение, а также специальные виды профессиональной деятельности с педономической направленностью), а в последующем — по мере своего физического, социального и психического созревания — он превращается в со-субъекта многих частных видов деятельности и целостной жизнедеятельности взрослого, т. е. вырастает в равноправного жизненного партнера. Самим фактом своего сопresутствия и соучастия дети задают объективные условия и требования, определяют объективные возможности и ограничения жизни взрослых. В качестве объективного жизненного обстоятельства ребенок способен существенно обуславливать жизненную продуктивность и успешность, психическое развитие и адаптацию, психологическое здоровье и благополучие взрослого.

Несмотря на тот фундаментальный факт, что онтология взрослой жизни — это онтология со-бытия взрослого не только с другими взрослыми, но и с детьми, психологическая феноменология, механизмы и закономерности влияния детей на жизнедеятельность взрослых, в частности на их психологическое благополучие, еще относительно слабо и фрагментарно изучены современной психологией. С учетом ведущей роли во взаимодействии «ребенок—взрослый» последнего (причем детско-родительские интеракции составляют лишь частный случай данного взаимодействия), гораз-

до глубже и полнее освещены вклады взрослого в психологическую судьбу ребенка, в том числе зависимость от них детского развития, здоровья и благополучия. Однако «асимметрия» и «диспаритет» взаимодействия в пользу взрослого не должны вести к игнорированию или недооценке ответной детерминации со стороны ребенка и обратной зависимости личностного развития и функционирования взрослого от него.

Обзор современного состояния проблемы

Магистральная линия исследований данной проблемы в современной зарубежной психологии сводится к выявлению зависимости различных компонентов (когнитивных, аффективных, мотивационных), видов (гедонистического, эвдемонического, экзистенциального) и уровней (глобального, доменного, субдоменного) психологического благополучия—неблагополучия взрослого от достигнутого им родительского статуса. В эмпирических исследованиях данного направления родительский статус взрослого фигурирует в роли коррелята, предиктора или фактора всевозможных аспектов психологического благополучия и обозначается с помощью вариативной терминологии: собственно «родительский статус» (parental status), «число детей» (number of children) или «размер семьи» (family size). Обычно он операционализируется в виде дихотомической номинальной переменной («бездетный взрослый—родитель») либо полиномической переменной, измеряемой числом рожденных и воспитываемых детей. В контексте таких исследований дети и родительство рассматриваются в качестве жизненных обстоятельств, которые определяют объективные возможности и ограничения удовлетворения потребностей, реализации ценностей и решения экзистенциальных дилемм взрослого.

Принципиально важными переменными, определяющими разграничение предметно-проблемного поля

исследований, являются, во-первых, возраст ребенка/детей, во-вторых, состояние его/их здоровья и особенности психофизического развития. Эти переменные в значительной степени модерируют (видоизменяют) силу, направленность и форму взаимосвязей между родительским статусом взрослого и различными индикаторами его психологического благополучия. Сообразно с этим общий поток исследований расщепляется на относительно обособленные исследовательские линии: 1) влияние малолетних и несовершеннолетних детей на психологическое благополучие родителей возраста ранней и средней зрелости; 2) влияние совершеннолетних и взрослых детей на психологическое благополучие пожилых и стареющих родителей; 3) влияние детей с хроническими заболеваниями и аномалиями развития на психологическое благополучие родителей на разных этапах жизненного цикла. Дальнейшая дивергенция и специализация исследований подчиняются такому критерию, как отдельные психологические индикаторы благополучия—неблагополучия взрослого: «дети, родительство и субъективная удовлетворенность жизнью» [6], «дети, родительство и удовлетворенность браком» [7; 26], «дети, родительство и осмысленность жизни» [21] и т. д.

Сквозная тенденция исторического развития анализируемой научной области заключается в смещении интереса и фокуса исследований от прямолинейных, непосредственных взаимосвязей психологического благополучия взрослого с его родительским статусом и числом воспитываемых детей к индивидуализированным и контекстуализированным зависимостям, которые сложно опосредованы дополнительными и промежуточными переменными.

Отмеченная тенденция продиктована тем, что на выборках из разных стран и континентов с помощью исследований различного дизайна (корреляционного, кросс-секционного, лонгитюдного, ретроспективного) твердо установлено, что родительство и размер семьи — это объективные факторы, которые сами по себе не влекут и не предсказывают каких-либо закономерных (универсальных, устойчивых, повторяющихся, систематических) последствий для психологического благополучия взрослого. В психологии и смежных дисциплинах (социологии, геронтологии, демографии и биомедицинских науках) по большинству парциальных индикаторов и маркеров благополучия — позитивному и негативному аффекту, удовлетворенности жизнью и переживанию счастья, осмысленности жизни, самоуважению и самоэффективности, удовлетворенности браком и т. д. — накопилась критическая масса противоречивых фактов. Между каждым из этих индикаторов и родительским статусом по результатам разных исследований наблюдается то прямая, то обратная, то нулевая ковариация.

В этой связи в дизайн современных исследований в качестве предикторов, медиаторов и модераторов вводятся дополнительные переменные, которые можно сгруппировать в три основные категории: 1) индивиду-

альные — физические, социальные, психологические — особенности ребенка/детей (child-related factors); 2) макросоциальные, микросоциальные и индивидуально-биографические условия жизни взрослого, которые выступают как средовые (ситуационные, контекстуальные) переменные (environmental, contextual factors); к этой же группе относятся социально-психологические переменные, описывающие характер общения и межличностного взаимодействия в диаде «родитель—ребенок» и в более широкой семейной системе (family system factors); 3) индивидуально-психологические свойства взрослого инструментально-исполнительского (стиль родительства) и мотивационно-смыслового (потребности, мотивы, аттитюды, ценности) плана, которые составляют группу личностных переменных (personal factors).

Важное значение придается также полу, возрасту, национальной и расовой принадлежности, соматическому здоровью и другим признакам, характеризующим взрослого как биологического индивида. Вместе с тем в настоящее время общепризнанно, что в психологическом механизме влияния детей на родительское благополучие взрослых они действуют скорее не в «голом» виде (как детерминанты органического уровня), а в социально трансформированном и культурно символизированном виде (как детерминанты социокультурного уровня). Например, различия в воздействии многодетного родительства на брачную удовлетворенность отцов и матерей (в пользу первых) обусловлены не столько биологическим полом родителя, сколько принятым в обществе гендерным разделением обязанностей по уходу за детьми; различия в воздействии родительского статуса на брачную удовлетворенность у людей ранней и поздней зрелости (в пользу вторых) объясняются не самим по себе возрастом, а спецификой социальной ситуации жизнедеятельности человека в эти возрастные периоды в определенном обществе в конкретную историческую эпоху [7; 22; 25; 26]. В силу сказанного в механизме детерминации психологического благополучия взрослого родительским статусом и числом детей переменные индивидуального уровня работают в основном в интеракции с контекстуальными переменными.

Систематизируя и обобщая данные многочисленных исследований, накопленные за последние 40—50 лет, а также принимая во внимание выводы систематических и метааналитических обзоров, можно сформулировать несколько генеральных и устойчиво воспроизводящихся закономерностей:

- психологический способ и логика принятия репродуктивного решения (вынужденного, спонтанного, случайного или, наоборот, добровольного, обдуманного, планомерного) существенно предопределяют дальнейшее влияние ребенка и родительства на психологическое благополучие взрослого [12; 15; 23];

- переход из бездетного состояния к родительскому статусу выступает транзитивным (критическим) периодом жизненного пути и сопровождается сниже-

нием психологического благополучия взрослого, причем несвоевременно раннее принятие родительской роли усиливает этот негативный эффект [12; 15; 23];

- дети и родительство производят разнонаправленное — как позитивное, так и негативное — влияние на психологическое благополучие взрослого, при этом их влияние на различные компоненты, уровни и виды психологического благополучия взрослого является высоко избирательным и дифференцированным, не подчиняясь единой и общей закономерности [8; 12; 13; 14; 23];

- рост числа детей и, в особенности переход от малолетнего к многодетному родительству, в целом снижает психологическое благополучие взрослого [5; 12; 22];

- в то время как маленькие дети с большей вероятностью снижают, выросшие дети скорее повышают психологическое благополучие взрослого, но уровень родительского благополучия существенно определяется качеством взаимоотношений с повзрослевшими детьми и их жизненной успешностью [18; 26];

- бездетные люди в периоды ранней и средней зрелости выигрывают, а в периоды поздней зрелости и старости проигрывают своим сверстникам, имеющим детей, по многим параметрам психологического благополучия (осмысленность жизни, удовлетворенность жизнью, переживание одиночества, страх смерти и др.) [15; 18; 24; 25; 26];

- мужчины по сравнению с женщинами, с точки зрения психологического благополучия, несут меньшие издержки (хотя и не извлекают большую выгоду) от рождения детей и обретения родительской роли; другими словами, благотворность родительства практически одинакова для отцов и матерей, а тлетворность — в большей мере испытывают на себе матери [9; 16; 23];

- взрослые, рожающие детей вне брака и воспитывающие их в одиночку, сильнее теряют в психологическом благополучии, чем состоящие в браке и делящие тяготы родительства с супругом [8; 12; 14];

- воспитание детей с тяжелыми соматическими и психическими заболеваниями, инвалидностью, различными формами дизонтогенеза в большей степени подрывает психологическое благополучие взрослого, чем родительство условно здоровых детей с нормотипическим развитием [12; 19];

- приверженность детоцентрическому («интенсивному», «вертолетному» и т. д.) стилю родительства при прочих равных обстоятельствах причиняет более выраженный ущерб психологическому благополучию взрослого [10; 15; 17; 18].

Не считая выделенных выше закономерностей, отдельные теоретико-эмпирические исследования, систематические и метааналитические обзоры до сих пор не привели к консенсусу в вопросе о влиянии детей на психологическое благополучие взрослых [12; 15; 19; 22; 23]. Сложившиеся в этой проблемной области теоретические представления и собранные эмпирические данные остаются разрозненными, несисте-

матичными и противоречивыми. Такое положение дел после многих десятилетий исследований явственно свидетельствует о том, что не существует универсального механизма и единообразной закономерности, а имеют место множественные функции ребенка в жизнедеятельности взрослого, в том числе многовекторные пути его воздействия на психологическое благополучие. Это, в свою очередь, подталкивает к выводу, что для связного объяснения неоднозначных, разнопорядковых и разнонаправленных «вкладов» детей в гедонию, эвдемонию и экзистенцию взрослых необходимо учитывать личностный смысл конкретного ребенка для конкретного взрослого в определенном жизненном контексте.

Перспективы дальнейшей разработки проблемы

При всей важности исследований, ищущих и раскрывающих зависимость психологического благополучия взрослого от его родительского статуса как объективного жизненного обстоятельства, в них зачастую упускается ключевой психологический фактор, обеспечивающий замыкание, медиацию и модерацию данной зависимости. Необходимым структурно-функциональным звеном механизма, опосредствующим влияние ребенка на психологическое самочувствие, развитие и функционирование взрослого, является личностный смысл, которым ребенок наделяется в свете его потребностей, мотивов и ценностей. Личностный смысл выступает формой психического отражения (субъективного понимания и переживания) тех объективных детерминационных отношений (причинно-следственных и целе-средственных связей), в которых ребенок и родительская роль находятся к удовлетворению потребностей, воплощению ценностей, осуществлению мотивов, достижению целей, решению задач и практической реализации других личностно значимых интенций в жизни взрослого [3].

Для обозначения личностно-смыслового (пристрастно-оценочного) отношения взрослого к ребенку, его рождению (репродукции) и воспитанию (родительству) в современной зарубежной и отечественной психологии используется широкая и разнообразная терминология: «ценность детей» (value of children); «репродуктивные мотивы», или «мотивы деторождения» (reproductive motives, reasons for childbearing, motives to have a child, childbearing motivation); «репродуктивные установки», или «установки на деторождение» (reproductive attitudes, family planning attitudes, attitudes toward childbearing); «мотивы родительства», или «мотивы родительского ухода» (motives for parenthood, reasons for parenthood, parenthood motivation, parental care motivation); «родительские установки», или «родительское отношение» (attitudes toward children, parental attitudes, parenting attitudes); «родительский смысл», или «смысл родительства (материнства, отцовства)» (parental meaning, meaning of

parenthood); «внутренняя позиция родителя», или «родительская (материнская/отцовская) позиция» (attitudes toward parenthood, fatherhood, motherhood). Эти термины приложимы в основном к отношению в диаде «родитель—ребенок» как частному случаю отношения «взрослый—ребенок» (их подробный анализ и сравнение см. в [3]).

В предшествующих исследованиях неоднократно предпринимались попытки выявления репертуара личностных смыслов, которые взрослые придают детям в контексте своей жизнедеятельности. Однако в силу их концептуальной разрозненности, терминологической разобщенности и методической непоследовательности до сих пор отсутствует обоснованная и обобщенная таксономия (классификация или типология) личностного смысла детей для взрослых, учитывающая его содержательные, структурные (топологические) и функциональные (модальностные) особенности. Результаты этих исследований остаются дезинтегрированными и некумулятивными по той простой причине, что за пестрой терминологией далеко не всегда удается разглядеть единую психическую реальность. Это и неудивительно, если учесть, насколько разнородными и разноплановыми терминами — «ценность детей» (value of children) [20], «причины для родительства» (reasons for parenthood) [11], «издержки и выгоды детей» (costs and rewards of children) [14], «родительский смысл» (parental meaning) [21] и т. д. — вуалируется эта реальность. В действительности же все эти вариативные конструкты — аттитюды, мотивы, ценности — имеют общую мотивационно-смысловую природу и обозначают разные формы структурной фиксации и функционального выражения личностного смысла (мотивационного значения) ребенка для взрослого.

Выше уже отмечалось, что переменные, опосредующие зависимость психологического благополучия взрослого от родительского статуса, подразделяются на три большие категории: индивидуальные особенности ребенка (физические, социальные и психические); объективные условия (ситуация, среда) взаимодействия взрослого с ребенком; индивидуально-психологические особенности взрослого, в первую очередь его личностные свойства мотивационно-смысловой природы. Совершенно очевидно, что выделенные группы переменных относятся к отдельным составляющим, а в совокупности — слагают и конституируют целостный психологический механизм смыслообразования ребенка как неотъемлемой части жизни взрослого. В функциональной структуре данного механизма ребенок в комплексе присущих ему индивидуальных особенностей выступает объектом смыслообразования; потребности, мотивы, аттитюды и ценности взрослого — смыслообразующими инстанциями (исходными источниками смысла); условия макросреды, микросреды и индивидуальной биографии взрослого задают многомерный контекст смыслообразования. Интегральным продуктом процесса смыслообразования, в котором в субъективно превращенной и кристаллизованной форме представле-

ны все эти факторы, выступает личностный смысл ребенка для взрослого.

Разумеется, личностный смысл ребенка для взрослого — далеко не единственная переменная, опосредствующая влияние детей и родительского статуса на психологическое благополучие взрослого. В этом сложносоставном и многозвенном механизме в функции триггеров, предикторов, медиаторов и модераторов задействовано множество других объективных (непсихологических) и субъективных (психологических) факторов. Так, согласно результатам исследований, влияние родительского статуса и числа детей на субъективную удовлетворенность взрослого собственной жизнью опосредуют социально-экономический и брачный статус родителя, поддержка деторождения и родительства на макросоциальном и микросоциальном уровнях, психологические особенности родителя и индивидуальный родительский стиль, индивидуальность, состояние здоровья и особенности психофизического развития ребенка, межролевые конфликты типа «родительство—карьера, супружество, досуг» и т. д. [15].

Однако многочисленность и разнообразие этих факторов не снижают весомость и центральность такой детерминанты, как личностный смысл ребенка. Все остальные факторы задают специфику контекста, индивидуальное своеобразие объекта и субъекта (источников) смыслообразования, а потому в личностном смысле ребенка для взрослого, как результирующем продукте данного процесса, в «снятом» виде представлены все прочие условия. Личностный смысл всегда не только индивидуализирован с учетом смыслообразующих потребностей, мотивов и ценностей взрослого и индивидуальных особенностей ребенка, но и контекстуализирован с учетом всех остальных условий его формирования. Как справедливо отмечают в своем систематическом обзоре Д. Амберсон и соавторы, «... социально-экономические ресурсы и индивидуальные свойства могут формировать смыслы и ожидания от родительства, а эти символические смыслы, в свою очередь, воздействуют на благополучие» [24, p. 614].

Заключение

Таким образом, одним из наиболее перспективных направлений дальнейшей разработки проблемы «дети, родительство и психологическое благополучие взрослых» является теоретическое обоснование, методическая операционализация и эмпирическая верификация психологической концепции личностного смысла ребенка для взрослого [1; 2; 3; 4]. Личностный смысл интегративно отражает индивидуальное своеобразие ребенка, взрослого и контекста их взаимодействия, а потому служит ведущим психологическим фактором и связующим звеном в механизме влияния ребенка на психологическое благополучие взрослого.

Личностный смысл сигнализирует об объективных детерминационных — причинно-следственных и целе-

средственных — отношениях, в которых ребенок находится к процессу удовлетворения потребностей, воплощения ценностей, осуществления мотивов, достижения целей и решения задач взрослого. Позитивный смысл указывает на то, что ребенок в качестве жизненного обстоятельства способствует и/или в роли активного субъекта содействует успешной реализации личностно значимых интенций взрослого и тем самым обуславливает его благополучие. Негативный смысл, напротив, означает, что ребенок «вещно» препятствует и/или «субъектно» противодействует продуктивной реализации личностно значимых побуждений и стремлений взрослого, а, следовательно, снижает благополучие или даже обуславливает его неблагополучие. Выявление репертуара личностных смыслов, которыми взрослые наделяют детей в своей жизни, позволяет раскрыть весь спектр функций, выполняемых детьми в контексте удовлетворения потребностей (гедонистического благополучия), реализации ценностей (эвдемонического благополучия) и решения экзистенциальных дилемм (экзистенциального благополучия) взрослых.

Личностный смысл всегда является индивидуализированным (с учетом смыслообразующих побуждений и стремлений взрослого) и контекстуализированным (с учетом уникально-биографической ситуации жизнедеятельности взрослого) значением ребенка для взрослого. Поэтому учет данного фактора открывает возможность целостного и непротиворечивого объяснения многовариантных, разнонаправленных и разноуровневых эффектов, которые дети, их рождение и воспитание оказывают на различные компоненты, уровни и виды психологического благополучия в разных доменах и на разных стадиях жизни взрослого. Следует ожидать, что если в исследованиях психологического благополучия взрослых произвести определенную рокировку независимой переменной — родительский статус (как статусно-демографическую переменную) заменить или, по меньшей мере, дополнить личностным смыслом ребенка для взрослого (как собственно психологической переменной), то получаемые и накапливаемые результаты приобретут большую консистентность, воспроизводимость и кумулятивность.

Литература

1. Карпинский К.В. Личностный смысл ребенка в регуляции профессиональной педономической деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1(136). С. 170—184. DOI:10.20323/1813-145X_2024_1_136_170
2. Карпинский К.В. Личностный смысл ребенка и переживание смысложизненного кризиса в ситуации бесплодия // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 40—55. DOI:10.18384/2949-5105-2024-2-40-55
3. Карпинский К.В. Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых. Гродно: ГрГУ, 2023. 515 с.
4. Карпинский К.В. Преградный смысл ребенка: половозрастная и социально-демографическая изменчивость в белорусской популяционной мультивыборке // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2022. Том 12. № 3. С. 115—129.
5. Карпинский К.В., Гижук Т.В. Шкала аттитюдов многодетности // Современные методы психологической диагностики / Под ред. К.В. Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2022. С. 62—117.
6. Angeles L. Children and Life Satisfaction // Journal of Happiness Studies. 2010. Vol. 11. № 4. P. 523—538. DOI:10.1007/s10902-009-9168-z
7. Bradbury T.N., Fincham F.D., Beach S.H. Research on the Nature and Determinants of Marital Satisfaction: A Decade in Review // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62. P. 964—980. DOI:10.1111/j.1741-3737.2000.00964.x
8. Dunst C.J. Meta-Analyses of the Relationships between Family Systems Practices, Parents' Psychological Health, and Parenting Quality // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20. № 18. Article ID 6723. 23 p. DOI:10.3390/ijerph20186723
9. Hershkovitz-Freudenthal A., Lavenda O. Factors associated with contemporary fatherhood // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article ID 1403955. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1403955
10. Hong P., Cui M. Overparenting and psychological well-being of emerging adult children in the United States and China // Family Relations. 2023. Vol. 72. № 5. P. 2852—2868. DOI:10.1111/fare.12839
11. Langdridge D., Sheeran P., Connolly K. Understanding the reasons for parenthood // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2005. Vol. 23. № 2. P. 121—133. DOI:10.1080/02646830500129438
12. McLanahan S., Adams J. The Effects of Children on Adults' Psychological Well-Being: 1957—1976 // Social Forces. 1989. Vol. 68. № 1. P. 124—146. DOI:10.2307/2579223
13. Nelson S., Kushlev K., Lyubomirsky S. The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140. № 3. P. 846—895. DOI:10.1037/a0035444
14. Nomaguchi K., Milkie M.A. Costs and Rewards of Children: The Effects of Becoming a Parent on Adults' Lives // Journal of Marriage and Family. 2003. Vol. 65. № 2. P. 356—374. DOI:10.1111/j.1741-3737.2003.00356.x
15. Nomaguchi K., Milkie M.A. Parenthood and Well-Being: A Decade in Review // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82. № 1. P. 198—223. DOI:10.1111/jomf.12646

16. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers / S.K. Nelson-Coffey, M. Killingsworth, K. Layous, S.W. Cole, S. Lyubomirsky // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45. № 9. P. 1378—1390. DOI:10.1177/0146167219829174
17. Rado M.K. Tracking the Effects of Parenthood on Subjective Well-Being: Evidence from Hungary // *Journal of Happiness Studies*. 2020. Vol. 21. № 6. P. 2069—2094. DOI:10.1007/s10902-019-00166-y
18. Reciprocal associations between parenthood and mental well-being — a prospective analysis from age 16 to 52 years / J. Grundström, O. Kiviruusu, H. Konttinen, N. Berg // *Current Psychology*. 2024. Vol. 43. P. 2238—2252. DOI:10.1007/s12144-023-04487-3
19. The Caregiving Health Effects of Caring for Young Children with Developmental Disabilities: A Meta-Analysis / S.C. Masefield, S.L. Prady, T.A. Sheldon, N. Small, S. Jarvis, K.E. Pickett // *Maternal and Child Health Journal*. 2020. Vol. 24. P. 561—574. DOI:10.1007/s10995-020-02896-5
20. The Value of Children in Cross-Cultural Perspective: Case Studies from Eight Societies / Eds. G. Trommsdorff, B. Nauck. Lengerich: Pabst Science, 2005. 288 p.
21. To S.M., Yang L., Yan M.W. The Presence of Meaning in Parenthood, Perceived Social Support, and Happiness of Mothers Living in Hong Kong: A Comparative Study on Younger and Older Mothers // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 5. Article ID 2730. 17 p. DOI:10.3390/ijerph19052730
22. Twenge J.M., Campbell W.K., Foster C.A. Parenthood and Marital Satisfaction: A Meta-Analytic Review // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. № 3. P. 574—583. DOI:10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x
23. Umberson D., Gove W.R. Parenthood and Psychological Well-Being: Theory, Measurement, and Stage in the Family Life-Course // *Journal of Family Issues*. 1989. Vol. 10. № 4. P. 440—462. DOI:10.1177/019251389010004002
24. Umberson D., Pudrovska T., Reczek C. Parenthood, Childlessness, and Well-Being: A Life Course Perspective // *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72. № 3. P. 612—629. DOI:10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x
25. When and how does the number of children affect marital satisfaction? An international survey / M. Kowal, A. Groyecka-Bernard, M. Kochan-Wojcik, P. Sorokowski // *PLoS One*. 2021. Vol. 16. № 4. Article ID e0249516. 14 p. DOI:10.1371/journal.pone.0249516
26. Who Gains More? The Relationship Between Parenthood and Well-Being / Q. Yu, J. Zhang, L. Zhang, Q. Zhang, Y. Guo, S. Jin, J. Chen // *Evolutionary Psychology*. 2019. Vol. 17. № 3. [P. 1—10.]. DOI:10.1177/1474704919860467

References

1. Karpinskii K.V. Lichnostnyi smysl rebenka v regulyatsii professional'noi pedonomicheskoi deyatelnosti [Personal meaning of a child as a regulator of pedonomicheskoi vocational activity]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2024, no. 1 (136), pp. 170—184. DOI:10.20323/1813-145X_2024_1_136_170 (In Russ.).
2. Karpinskii K.V. Lichnostnyi smysl rebenka i perezhivanie smyslozhiznennogo krizisa v situatsii besplodiya [Personal meaning of a child and experience of a meaning of life crisis in a situation of infertility]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of the State University of Education. Series: Psychology*, 2024, no. 2, pp. 40—55. DOI:10.18384/2949-5105-2024-2-40-55 (In Russ.).
3. Karpinskii K.V. Lichnostnyi smysl rebenka: chto deti znachat dlya vzroslykh [Personal meaning of a child: What children mean for adults]. Grodno: Publ. GrGU, 2023. 515 p. (In Russ.).
4. Karpinskii K.V. Pregradnyi smysl rebenka: polovozrastnaya i sotsial'no-demograficheskaya izmenchivost' v belorusskoi populyatsionnoi mul'tityvorke [The negative meaning of the child: gender, age and socio-demographic variability in the Belarusian population multi-sample]. *Vestnik GrDU imya Yanki Kupaly. Seriya. 3. Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya [Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology]*, 2022, vol.12, no. 3, pp. 115—129. (In Russ.).
5. Karpinskii K.V., Gizhuk T.V. Shkala attityudov mnogodetnosti [Multichildhood attitudes scale]. In K.V. Karpinskii (ed.), *Sovremennyye metody psikhologicheskoi diagnostiki [Modern methods of psychological diagnostics]*. Grodno: Publ. GrGU, 2022, pp. 62—117. (In Russ.).
6. Angeles L. Children and Life Satisfaction. *Journal of Happiness Studies*, 2010. Vol. 11, no. 4, pp. 523—538. DOI:10.1007/s10902-009-9168-z
7. Bradbury T.N., Fincham F.D., Beach S.H. Research on the Nature and Determinants of Marital Satisfaction: A Decade in Review. *Journal of Marriage and the Family*, 2000. Vol. 62, pp. 964—980. DOI:10.1111/j.1741-3737.2000.00964.x
8. Dunst C.J. Meta-Analyses of the Relationships between Family Systems Practices, Parents' Psychological Health, and Parenting Quality. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. Vol. 20, no. 18, article ID 6723. 23 p. DOI:10.3390/ijerph20186723
9. Hershkovitz-Freudenthal A., Lavenda O. Factors associated with contemporary fatherhood. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15, article ID 1403955. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1403955
10. Hong P., Cui M. Overparenting and psychological well-being of emerging adult children in the United States and China. *Family Relations*, 2023. Vol. 72, no. 5, pp. 2852—2868. DOI:10.1111/fare.12839

11. Langdridge D., Sheeran P., Connolly K. Understanding the reasons for parenthood. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2005. Vol. 23, no. 2, pp. 121—133. DOI:10.1080/02646830500129438
12. McLanahan S., Adams J. The Effects of Children on Adults' Psychological Well-Being: 1957—1976. *Social Forces*, 1989. Vol. 68, no. 1, pp. 124—146. DOI:10.2307/2579223
13. Nelson S., Kushlev K., Lyubomirsky S. The pains and pleasures of parenting: When, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*, 2014. Vol. 140, no. 3, pp. 846—895. DOI:10.1037/a0035444
14. Nomaguchi K., Milkie M.A. Costs and Rewards of Children: The Effects of Becoming a Parent on Adults' Lives. *Journal of Marriage and Family*, 2003. Vol. 65, no. 2, pp. 356—374. DOI:10.1111/j.1741-3737.2003.00356.x
15. Nomaguchi K., Milkie M.A. Parenthood and Well-Being: A Decade in Review. *Journal of Marriage and Family*, 2020. Vol. 82, no. 1, pp. 198—223. DOI:10.1111/jomf.12646
16. Nelson-Coffey S.K., Killingsworth M., Layous K., Cole S.W., Lyubomirsky S. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45, no. 9, pp. 1378—1390. DOI:10.1177/0146167219829174
17. Rado M.K. Tracking the Effects of Parenthood on Subjective Well-Being: Evidence from Hungary. *Journal of Happiness Studies*, 2020. Vol. 21, no. 6, pp. 2069—2094. DOI:10.1007/s10902-019-00166-y
18. Grundstrm J., Kiviruusu O., Konttinen H., Berg N. Reciprocal associations between parenthood and mental well-being — a prospective analysis from age 16 to 52 years. *Current Psychology*, 2024. Vol. 43, pp. 2238—2252. DOI:10.1007/s12144-023-04487-3
19. Masfield S.C., Prady S.L., Sheldon T.A., Small N., Jarvis S., Pickett K.E. The Caregiving Health Effects of Caring for Young Children with Developmental Disabilities: A Meta-Analysis. *Maternal and Child Health Journal*, 2020. Vol. 24, pp. 561—574. DOI:10.1007/s10995-020-02896-5
20. Trommsdorff G., Nauck B. (eds.) *The Value of Children in Cross-Cultural Perspective: Case Studies from Eight Societies*. Lengerich: Pabst Science, 2005. 288 p.
21. To S.M., Yang L., Yan M.W. The Presence of Meaning in Parenthood, Perceived Social Support, and Happiness of Mothers Living in Hong Kong: A Comparative Study on Younger and Older Mothers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 5, article ID 2730. 17 p. DOI:10.3390/ijerph19052730
22. Twenge J.M., Campbell W.K., Foster C.A. Parenthood and Marital Satisfaction: A Meta-Analytic Review. *Journal of Marriage and Family*, 2003. Vol. 65, no. 3, pp. 574—583. DOI:10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x
23. Umberson D., Gove W.R. Parenthood and Psychological Well-Being: Theory, Measurement, and Stage in the Family Life-Course. *Journal of Family Issues*, 1989. Vol. 10, no. 4, pp. 440—462. DOI:10.1177/019251389010004002
24. Umberson D., Pudrovska T., Reczek C. Parenthood, Childlessness, and Well-Being: A Life Course Perspective. *Journal of Marriage and Family*, 2010. Vol. 72, no. 3, pp. 612—629. DOI:10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x
25. Kowal M., Groyecka-Bernard A., Kochan-Wjck M., Sorokowski P. When and how does the number of children affect marital satisfaction? An international survey. *PLoS One*, 2021. Vol. 16, no. 4, article ID e0249516. 14 p. DOI:10.1371/journal.pone.0249516
26. Yu Q., Zhang J., Zhang L., Zhang Q., Guo Y., Jin S., Chen J. Who Gains More? The Relationship Between Parenthood and Well-Being. *Evolutionary Psychology*, 2019. Vol. 17, no. 3, [pp. 1—10.]. DOI:10.1177/1474704919860467

Информация об авторах

Карпинский Константин Викторович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (УО ГрГУ им. Янки Купалы), г. Гродно, Республика Беларусь; профессор кафедры психологии, Мамун университет, Узбекистан, г. Ургенч, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@gmail.com

Information about the authors

Konstantin V. Karpinski, Doctor in Psychology, Professor, Head of the Experimental and Applied Chair, Yanka Kupala Grodno State University, Grodno, Belarus; Professor of the Psychology Chair, Mamun University, Urgench, Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@gmail.com

Получена 06.09.2024

Принята в печать 11.12.2024

Received 06.09.2024

Accepted 11.12.2024